

книги, поэтические вечера, встречи с интересными гостями. Второе десятилетие начинается. Отсчёт пошёл!

*Наталья Александровна Кускова,
председатель Тарского отделения
Омской областной общественной
организации «Союз писателей России»*

АЛЕКСАНДР ДЕРЮШЕВ

Родился в 1963 г. в Таре. Работает заведующим отделением скорой медицинской помощи Тарской центральной районной больницы. Печатался в коллективных сборниках, альманахах и периодических изданиях различных городов России и зарубежья. Автор книг «Встреча», «Вкус полыни», «По обе стороны от грусти», «Карандашная сила», «Душа на ветру». Лауреат районной премии им. В. А. Шевелева «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2010). Член Союза писателей России.

* * *

Красками не балует апрель:
Тот же снег и слякоти чуток...
За окном всё та же акварель
И еще один в судьбе виток.

От весны подарков я не жду.
В лужах отражается тоска...
Но без счастья – чувствую нужду,
Жизнь без счастья – поле без ростка...

* * *

Легкомысленный мартовский снег
Всё зачем-то идет и идет...
За окном не весна – просто смех,
Но для тех, кто весну эту ждет!

Я не жду, мне уже всё равно.
Меж сезонами разницы нет.
Но кружит и кружит за окном
Легкомысленный мартовский снег...

* * *

У февральской метели
Я лечить буду раны.
Ведь февраль еще в деле,
Уходить ему рано...

Пусть замерзнет от стужи
Вся тоска моя злая.
И метель пусть закружит,
Обо мне и не зная.

Я не буду тропинки
Выбирать. И дорогу.
Знаю я без запинки
Про мечту-недотрогу...

* * *

Что делать – не люблю зонты:
От жизни прятаться нелепо.
И я с дождем всегда на ты:
На то и дождь, на то и лето!

Целуют капельки в лицо,
И ручейки спешат за ворот.
А дождь, от лета письмоцею,
Приятель мой – умоет город.

ПЯТЬ ПОЛОВИНОК БУЛОЧКИ

Рассказ

Когда маму положили в больницу, сестры Вера и Варенька решили, что её надо кормить. Вопрос этот решать было сложно даже Вере в её девять лет, а Вареньке было только семь, и она по неопытности полностью полагалась на сестру.

Шел 1943 год... Совсем недавно в их маленький, так и не достроенный отцом домик принесли похоронку. Они знали, что это такое. Эта бумажка означала, что папку убили на войне. Фашисты. Варенька, лежа на полатах, часто думала, за что убили папку, ведь он совсем не злой, а даже наоборот – хороший и добрый, носил её на шее. Даже на приписной пункт в Дом обороны нес её на шее, а Вера тогда шла рядом, потому что большая уже на шее сидеть! Не в силах это

понять, Варенька снова плакала, прячась в одеялко. Пряталась потому, что была еще Любочка, их младшая сестра, которой нельзя было показывать слезы, ведь она старше! Четырехлетняя Любочка про похоронку ничего не знала и даже папку не вспоминала, ей было вполне достаточно, что рядом была мама и две сестры.

И вот теперь маму положили в больницу. Сестры остались одни, изредка заходила соседка, чтоб спросить, кушали ли они что-нибудь. Сестры отвечали, что ходят в «пятый магазин», где им выдавали пайку хлеба. Правда, приходилось стоять в очереди и ночью – они меняли друг друга и, получив наконец хлеб, делили его «по-честному» – половину пайки съедали по дороге, а половину приносили Любочке. Она ждала их, сидя на подоконнике, и, увидев, радостно махала ручками. Больше в магазине ничего не давали. Дома они варили прошлогоднюю картошку, но её было мало – надо было экономить, и они ходили в огород, в который уж раз перекапывали землю в поисках пропущенной картошки. Найти мерзлую, почти гнилую картошку – было счастьем! Они приносили её в дом, складывали на печку, кулачками расплющивали и ждали, когда она испечётся, превратившись в лакомство. Сытное и сладкое.

Вера, по праву старшей сестры, предложила: «Маме надо отнести в больницу что-то вкусненькое!» Варенька высказала свое мнение: «Давай унесем ей наши половинки булочек, что дают в школе, – они ведь такие вкусные...» Вера поддержала, но сразу внесла уточнение – двух половинок мало, надо копить половинки! А Любочка ничего не сказала, может, потому что по малолетству права голоса еще не имела, а может, была не согласна с постановкой вопроса, ведь часто эти половинки доставались ей, а отказаться от них у неё просто не хватило бы сил!

Сестры копили половинки долго. Целых два дня. Когда в укромном месте уже лежали четыре половинки, к Вареньке на переменке в школе подошел Митька и, смущаясь, протянул ей свою половинку булочки: «Варя,

возьми... это тебе...» Варенька взяла, потому что невозможно было отказаться от такого сокровища, да и Митьку обижать отказом не хотелось, было видно, что он искренне, от всего сердца. Так у сестер оказалось целых пять половинок булочек. Они не знали, откуда брались эти булочки в голодное военное время, но ради них хотелось идти в школу, ради них ученики ждали переменку.

В больницу пошли в воскресенье. Дождались, когда закончится дождь, одели Любочку в клетчатый сарафанчик, который подарили соседи еще до войны, и пошли. Половинки булочек завернули в чистую тряпочку и положили в холщовую сумку Веры, потому что она так сказала и потому что её сумка застегивалась на большую, а потому надежную пуговицу. А нести сумку Вера, опять же волевым решением, позволила Вареньке. Варенька очень гордилась таким доверием и, повесив сумку на плечо, взяла за ручку Любочку.

Шли долго, во-первых, потому, что Любочка по своей крайней молодости быстро ходить еще не могла, а во-вторых – приходилось обходить лужи и искать тропинки, чтоб не увязнуть в грязи. С трудом преодолели подъем в гору, и уже когда за деревьями больничного сквера показалось здание больницы, которую то ли из-за кирпичного цвета, то ли по политическим мотивам называли «Красной», случилась беда... Самая настоящая Беда, которой не ждали. Варенька, в очередной раз поскользнувшись, не смогла удержаться на ногах и упала в грязь, обрызгав при этом сестер и, самое страшное, зачерпнув в сумку изрядную порцию жидкой грязи. Вера замерла, не в силах что-то сказать. Это была катастрофа, крушение всего... Варенька даже не заплакала, потому что страх за булочки парализовал все остальные эмоции. Половинки булочек, это бесценное сокровище, которое нужно было беречь больше жизни, теперь плавали в грязном месиве внутри сумки...

Наконец, обретя речь, Вера закричала: «Ты что натворила, дура!» А Варенька сидела в луже и ждала момента, когда сможет

расплакаться и хоть как-то облегчить тот непомерный груз, что обрушился на её жизнь...

А Любочка задорно хохотала, показывая пальчиком на Вареньку.

Что-то надо было делать. Варенька поднялась из грязи и только тогда расплакалась, громко, навзрыд, вкладывая в свои причитания всю боль и стыд от совершенного преступления, даже не обратив внимания на подзатыльник, который Вера не упустила возможности ей закатить. Здесь же, у сломанных досок деревянного тротуара, они вынули из сумки половинки булочек, обтерли их травой и даже сполоснули в луже, отчего они еще сильнее размокли и стали больше похожи на лепешки. Завернуть их пришлось в лист лопуха и нести уже в руках, потому что сумка нуждалась в стирке и использовать её было, конечно, нельзя.

Девочек остановили уже у входа в больницу, и строгая санитарка велела ждать. Мама спустилась к ним через четверть часа, она сразу села на табурет у стенки и улыбнулась девочкам. Было видно, что даже улыбка давалась ей с трудом, а поход от палаты до приемного отделения забрал почти все силы...

«Мамочка, поправляйся быстрее, мы вот тебе булочки принесли...»

НАТАЛЬЯ КУСКОВА

Родилась в 1960 г. в Таре. Работает медсестрой наркологического кабинета Тарской районной больницы. Печаталась в коллективных сборниках, журналах, антологиях и периодической печати Тары, Омска, Москвы. Автор книг «Весеннее тепло» (Тара, 1997), «Изморозь» (Тара, 2002), раскраска для детей «Привет, одуванчик!» (Тара, 2006), «Мамина песня» (Тара, 2010), «Наполню себя тишиной» (Омск, 2010) и др. Лауреат ряда региональных и всероссийских литературных конкурсов, премии им. Владимира Шевелева за общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района (2009), премии им. Ф. Ушакова (2012). Член Союза писателей России.

КАК БЛАГОСТЬ, ПЛЫВЕТ ГАРМОНИЯ

* * *

И не подвластна времени строка.
Слетает свыше к молодым и к мудрым.
И знают только ночь и облака,
Что послано за очертаньем смутным.
Как мучает она и как болит,
Покой размеренный привычно рушит,
Пока, набравшись силы, – зазвенит –
Живому чувству открывая души.

НА КОНЦЕРТ СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

В ДК за серьезной музыкой
В октябрьский дождливый день
Бегу по тропинке узенькой.
А ветки – едва задень –
Окажут с размаху каплями.
Приплатой за душ – листок
Багряный, с каемкой в крапину.
И будто бы с глаз платок:
Как благодать, плывет гармония –
Шуршание влажных шин,
И песня дождя,
И осень, и я,
И ягоды – нотки рябин.

* * *

Кружатся листья: «раз-два-три!»
Фигурам нет конца.
Наверно, в этом есть экстрим –
Кружиться у лица.
Взлетает за листвою сад,
И музыку шуршит.
Так было много лет назад,
И столько предстоит.
И если спрятан в этом смысл –
То падать, то взлетать.
То я готова с ними вниз,
Чтобы весной восстать!